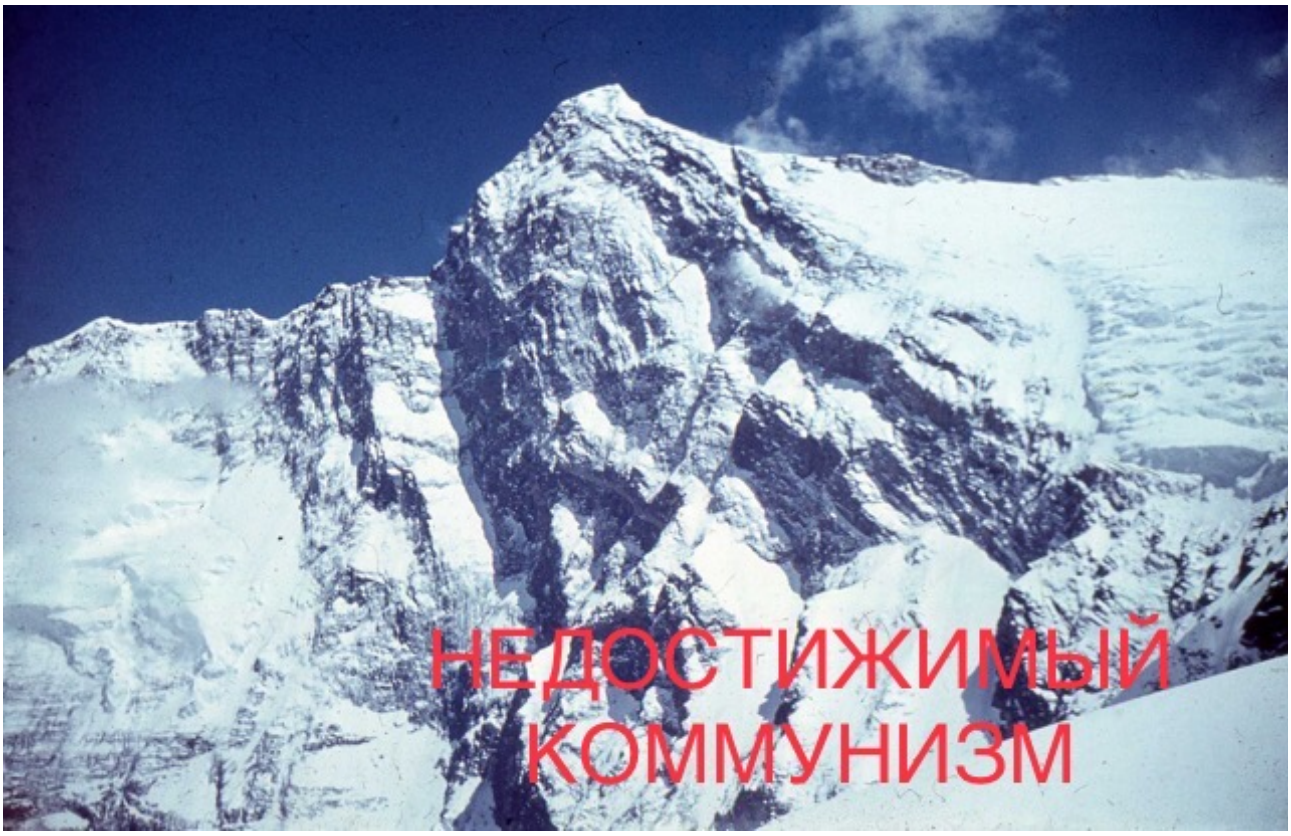


Я принадлежу к поколению советских людей, которых на полном серьезе убеждали, что мы будем жить при коммунизме, причем в обозримом будущем. Более того, тогдашний главный начальник Хрущев на каком-то из съездов КПСС, по-моему, на 22-м в 1961г., когда мне было 11 лет, объявил конкретную дату завершения построения коммунизма – 1980 г. Коммунистической идеологией тогда было пронизано все, что нас окружало в СССР. Даже был разработан моральный кодекс строителей коммунизма, состоявший пунктов из десяти, который мы учили в школе наизусть. Позднее, я узнал, что этот кодекс сильно смахивал на христианские заповеди из Ветхого завета (подробностей я не знаю, потому, как атеист).

Но ничего из этого не получилось: сначала сместили Хрущева – главного «заводилу», потом в 1980 г. вместо коммунизма провели московскую олимпиаду, и в конце концов и вовсе отказались от коммунистической идеологии, да и вообще от всяких идеологий.
Вот так и для меня в альпинизме – наизаветнейшая мечта любого советского альпиниста: покорение высшей точки СССР 7495 м высотой так для меня и не сбылась, как и мечта Хрущева и всех его соратников, веривших в коммунизм.

Расскажу, почему это так вышло. Начну издалека…
1973 г - был одним из самых счастливых в моей жизни, до краев наполненный важными событиями: в начале года в феврале я защитил диплом инженера в ЛИАПе, и по распределению остался на кафедре, что было тогда почетно. Летом был удивительно удачный альпинистский и скалолазный сезон, в середине года я сделал предложение моей единственной и неповторимой Юлечке, а в конце 21 декабря на ней женился. Кстати, только сейчас я обнаружил, что год даже чисто арифметически был счастливым: 1+9=7+3!

Летом я участвовал в крупных сборах альпинистов «Буревестника» на Юго-Западном Памире, и совершил несколько сложных восхождений, включая, свою первую «шестерку» (восхождение на пик Таджикистан, высотой, между прочим, более 6500 м, по маршруту 6-й, на тот момент высшей, категории сложности). В результате этих сборов я стал кандидатом в мастера спорта по альпинизму в возрасте 22 лет, что было не частым явлением для «возрастного» вида спорта, к которому относился альпинизм.

Кроме того, на Первенстве Кавказа по скалолазанию в августе я занял совсем не плохое 4-место, пропустив вперед только мастеров спорта по скалолазанию из Грузии и Украины, а также сотрудника ЛГУ - Эрика Петрова – известного в ту пору скалолаза. Кстати сказать, отнесся я к подготовке к этим соревнованиям достаточно легкомысленно, приехав на Кавказ с Юго-Западного Памира буквально за пару недель до их начала, да еще и поучаствовал после приезда в горном походе с альпинистами ЛИАП (включая свою невесту) в качестве руководителя, пройдя довольно сложную и трудоемкую его часть: перевал Бечо 1-й к.т. и еще один перевал, по-моему, 2- к.т. который пролегал через главный кавказский хребет через ледник местами открытый, а кое-где и закрытый. Перевал был совсем даже не безопасным, но прошли мы его достаточно легко – группа была очень сильная.

Затем, я оставил своих коллег по походу, поручив руководство Коле Козлову, и поехал в Тырныауз на соревнования. На подготовку к таким важным соревнованиям по скалолазанию у меня осталось всего пару дней. Я тогда присоединился к маленькой группе скалолазов, которую тренировал известный в ту пору тренер – Витя Новиков (муж, на тот момент выдающейся скалолазки, мастера спорта и многократного победителя многих соревнований – Нины Новиковой). Тренировки у него были несколько странными – он, в основном, требовал от своих подопечных огромного объема прохождения легких скальных маршрутов с максимальной скоростью. Силовым упражнениям и прохождению сложных участков на тренировке он почти не уделял внимания. Скорее всего, для меня это подходило, потому как мне удалось весьма успешно там выступить. На фото можно разглядеть фрагмент моего выступления на Первенстве Кавказа.

ДСО "БУРЕВЕСТНИК"

Короче, эти мои спортивные успехи в 1973 позволили руководству «Буревестника» включить меня кандидатом в сборную команду по альпинизму для участия в рекордном восхождении на п. Коммунизма по южной стене в 1974 г.

Я добросовестно готовился к этому суровому испытанию весь осенне-зимний период, не пропуская ни одной тренировки в зале, многочисленных кроссов , как бегом, так и на лыжах, а также выездов на скалы, в том числе и в новые места Карелии, например, в Питкяранту. (Как только меня терпело кафедральное начальство на работе?...).

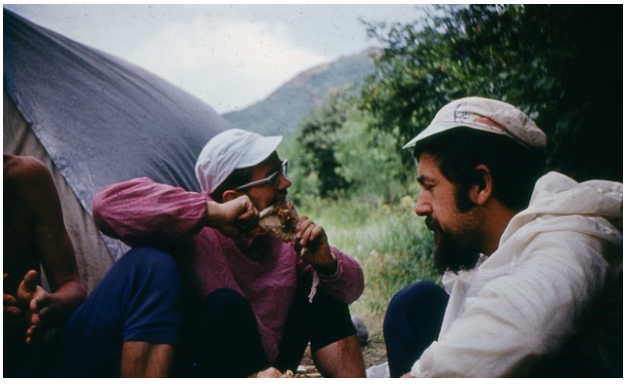
Много времени мы уделяли подготовке специального снаряжения. Готовили всё: веревки - мы использовали рыболовные тралы, разнообразные титановые крючья: как скальные, так и ледовые - их нам делали ребята на питерских судостроительных заводах, а необходимую амуницию частенько шили сами. Даже альпинистские ботинки, которые назывались вибрамами, где-то изготавливались на заказ, по-моему, в Люберцах, или каком-то другом подмосковном городе. Железный занавес, окружавший СССР в те годы, не позволял протиснуться через него даже обычным для альпинистов всего мира альпинистским атрибутам (видимо, вредно это было для советских строителей коммунизма). В качестве продуктов питания для этого рекордного восхождения нашим организаторам удалось достать консервы, предназначенные для питания космонавтов. Упакованы они были либо в маленьких, на одного человека, жестяных баночках, либо в вакуумных пластиковых контейнерах (кстати, в те времена такие материалы еще не использовались повсеместно, как сейчас, и были большой редкостью).

Зимой того же года мне пришла повестка о необходимости прохождения 2-х годичной службы в армии, в качестве офицера ЗРК ПВО (зенитно-ракетного комплекса противовоздушной обороны) страны.

Кстати, в процессе обучения в ЛИАПе мы проходили занятия на военной кафедре: там были хорошие преподаватели, которые неплохо нас обучали и даже привили интерес к той современной военной технике. Может еще и поэтому, я не отлынивал от этой участи, прошел все необходимые комиссии, и был уверен, что меня, как и большинство моих однокашников, призовут, тем более, что незадолго до выезда в горы, мне пришла повестка с указанием конкретной даты прибытия на сборный пункт в конце августа 1974 г.
Несмотря на все эти обстоятельства, в конце концов, все было подготовлено к поездке в горы, и мы вылетели в г. Душанбе, а оттуда на маленьких рейсовых самолетах добрались до поселка Тавиль Дора, который представлял собой довольно крупный таджикский кишлак.
На представленном снимке этот поселок в лучах заходящего солнца: снимок получился – из разряда загадочно-фантастических. На нем виден мост через бурную горную реку.

До базового лагеря, который нежно назывался «Березовая роща», от Тавиль Доры было далековато, да и путь проходил вдоль русла горной реки, местами пролегавший внутри почти непроходимых скальных каньонов. Поэтому мы добирались до него на вертолете. Кстати, такой способ доставки я испытывал впервые. В ожидании вертолета мы пару дней пробыли в этом поселке, ночуя в палатках на его окраине, на берегу горной реки.

Помню, руководство сборов даже пошло на затраты по приобретению «живого» мяса, а вернее барана. Переговоры с местным «овцеводом», наконец, завершились удачей – и вот, Юра Логачев, (хорошо видно на фото), уже ведет, оказывающего явное сопротивление, заподозрившего что-то недоброе, барана, который почему-то оказался весьма худосочным (тоже, наверное, много тренировался в осенне-зимний период).



Дальше очередь за самым смелым и бывалым – Леней Трощиненко, который впервые в жизни занялся превращением живого барашка в праздничный обед для немаленького коллектива. Процесс этот оказался непростым: много было советчиков, тупых ножей и т.п. Наконец, шурпа (густой бульон из баранины) была готова, и, многие (включая персонажей на фото) смогли насладиться таджикской народной едой.

Через пару дней посредством вертолета мы оказались в лагере, который располагался в очень живописном месте – прямо в лесу, на берегу горной реки на высоте, примерно 4200 м над уровнем моря.

Как сейчас помню это райское местечко, которое называлось «Березовая роща», ласкающее взгляд заливными лугами ярко изумрудного цвета по краям ущелья, уходящего вниз вместе с чудной и веселой рекой, несущей наипрозрачнейшую хрустальную воду, эти чудо- запахи хвои красивого лиственного и соснового леса, смешанные с запахами луговых цветов синего и красного цветов.

Мы установили палатки, включая штабную, где располагалась КВ радиостанция: как для связи с альпинистами, так и для связи со спасательной службой района. Радистом был молодой человек, по-моему, по имени Петр, которого руководитель экспедиции Федор Житенев рекрутировал в Душанбе по рекомендации какого-то его приятеля. Кроме радиостанции, по которой Петр должен был связываться с корреспондентами, зная все необходимые позывные (как выяснилось впоследствии, не твердо…) , полученные в Душанбе, ему еще доверили охотничье ружье на случай отражения, например, нападений медведей, которые водились в тех краях.

Буквально на следующий день многочисленные участники экспедиции, а нас было никак не меньше 20 чел., отправились вверх по ущелью в основной базовый лагерь на высоте 5100 м, откуда и планировались восхождения на п. Коммунизма.

Путь был не близким и изобиловал множеством трудных для прохождения участков: от многочисленных переправ через рукава горной речки, крутых участков тропы, пролегавшей по скалам, иногда крутоватым, и, наконец, участкам закрытого ледника, где даже приходилось передвигаться с тяжелеными рюкзаками в связках, на всю длину веревки. На приведенных фото – привал на тропе в начале пути и прохождение Житеневым скального участка тропы (Федор решил слегка срезать по совсем даже не пологому скальному участку).

Вова Орлов – после освобождения из ледовой трещины при прохождении участка закрытого ледника. Все это выглядело прозаично, хотя речь-то шла о настоящей ледовой трещине на закрытом леднике, куда Вова провалился на несколько метров, повиснув на страховочной веревке, которую держал, именно, я. На самом деле такой «безобидный» с точки зрения руководства суровой команды «Буревестника», инцидент мог закончиться печально: ведь глубина такой ледовой трещины достигала несколько десятков метров… Однако, все было сделано правильно, страховка сработала и Вова достаточно быстро выбрался наружу.

Вообще, подход к основному базовому лагерю – очень тяжелое испытание. Во-первых, тяжелые рюкзаки, а во-вторых, отсутствие акклиматизации превращают этот путь в изрядное мучение. Пульс – под 200 ударов, насквозь мокрая от пота футболка, тяжелое дыхание, да еще и вид высоченной горы, которую предстоит покорить по сложнейшему и опасному маршруту – все это в течение многочасового перехода вызывает бурю эмоций и всяких мыслей, не всегда радостных. Иногда, в процессе этого действия, в голову лезут и всякие случаи, которые происходили с альпинистами, в том числе и трагические. Не знаю, как у других, но у меня всегда, как у хорошего солдата перед боем, всегда происходила внутренняя мобилизация, позволявшая настроиться на опасные эти занятия. Не сказать, что я был во власти животного страха, конечно, нет, иначе, зачем бы я вообще туда ходил, но старался быть внимательным и осмотрительным, двигаться плавно и очень внимательно наблюдать за тем, что происходит вокруг (летящие камни, закрытые трещины, возможные лавиноопасные участки и т.д.). Примерно также мне рассказывал мой отец , Василий Николаевич, который был участником Финской войны, и сумел многократно выходить, казалось бы из безнадежных ситуаций. Хладнокровие и расчет – важнейшие составляющие при преодолении опасностей.

Для облегчения нашей «шерпской» участи, руководство решило попросить вертолетчиков забросить тяжелые грузы (пластиковые бочки со снаряжением, палатки, включая штабную, шатровую) на морену в районе лагеря 5100. Что они аккуратно и проделали, правда, при этом нам пришлось немало потрудиться, чтобы обнаружить и доставить вручную без потерь все сброшенные грузы.

Базовый лагерь 5100 находился на морене в зоне ледника, и не производил впечатления комфортабельного и удобного места. Там было всегда ветрено и зябко. В качестве памятника невдалеке от лагеря красовался остов вертолета Ми-2, который когда-то разбился здесь при неизвестных нам (по-крайней мере, мне) обстоятельствах. На фото прекрасно виден этот монумент храбрости и геройству пилотов вертолета. Мы очутились в абсолютно зимних условиях, забыв на несколько недель про знойное таджикское лето. Зато вид на окружающие высоченные горы, включая пик Коммунизма с юга, был ошеломляющим.

Особенно грозно, если не сказать, страшно, смотрелась южная стена пика Коммунизма, маршрут по которой был намечен сборной командой, как основная цель всей той нашей экспедиции. Успешное прохождение этого сложнейшего маршрута на высшую точку СССР, думаю, гарантировал команде 1-е место в Чемпионате СССР 1974 г. На фото прекрасно видна эта завораживающая стена!
Честно говоря, даже смотреть на эту стену было жутковато: такой протяженной и крутой она казалась снизу….

Наконец, лагерь был полностью обустроен: установлены небольшие жилые палатки: на 3-4 участников, и большая шатровая палатка армейского типа, которая использовалась, как кают-компания на корабле. Там мы питались, общались и проводили собрания команды. Кстати, напомню еще об одной традиции, характерной для Советского альпинизма. После каждого восхождения в обязательном порядке проводилось собрание его участников в присутствии руководителя сборов и начальника спасательного отряда. Не знаю, как в других командах, но «разбор» восхождений в «Буревестнике» всегда отличался откровенностью и прямотой, если не сказать бескомпромиссностью, или, даже, грубостью выступающих (особенно, руководителей)… Об этом я подробнее остановлюсь ниже….

Следует сказать, что такой многочисленный коллектив альпинистов (более 20, а, вернее, 24), участвовавших в той экспедиции, был обусловлен удаленностью и труднодоступностью района. По правилам организации альпинистских мероприятий в СССР тех времен (извините, за суконный «штиль»), во время восхождения , а тем более рекордного, внизу, под маршрутом должен располагаться спасательный отряд в количестве, не меньшем числа участников восхождения (а в заявке было 8 человек, включая, меня), причем их альпинистская квалификация должна быть не ниже 1-го спортивного разряда по альпинизму.

Спасательный отряд должен находиться на доступном расстоянии, готовый в любую минуту выйти для оказания помощи основной команде. Поэтому, план был таков: все участники этих сборов совершают тренировочное восхождение по маршруту 4-й к.т., в качестве которого был выбран пик Правды высотой около 6400 м. А затем основная команда выходит на восхождение на п. Коммунизма по Юж. Стене, при этом остальные участники, в качестве спасотряда, наблюдают за ними и ждут их в базовом лагере. После успешного завершения главного восхождения, участники, ожидавшие основную команду, совершают восхождение на п. Коммунизма, но не по стене, а по восточному ребру – известному маршруту 5Б к.т.

Таков был план, но события происходили иначе.

Да, вспомнил еще про один курьез. В начале работы сбора, когда уже все было готово: все лагеря были установлены, снаряжение и продукты своевременно доставлены, планы все сверстаны и утверждены, вдруг обнаружилось, что у нас нет радиосвязи. Нам, а, вернее, нашему радисту никак не удавалось связаться с базой в Душанбе. На устранение этой незадачи были брошены лучшие интеллектуальные силы в виде доцентов, кандидатов наук и толковых радиоинженеров. Среди них особо выделялись Кирилл Павленко, Саша Зайончковский, Саша Липчинский и Лева Сапожков. Но все их высокоумные предложения никак не срабатывали – радиостанция продолжала молчать… Наконец, в дело вступил сам Федя Житенев, предположив, что наш недорадист что-то напутал с позывными. Так все и оказалось: все эти дни он пытался вызвать свой позывной от имени базы…Только проницательный Житенев , как запрвский детектив, догадался, что радист свой позывной спутал с позывным базы. Ситуация разрешилась, мы смогли связаться с базой и запросить разрешение на начало восхождений. Разрешение было получено, правда, мы потеряли драгоценное время…

После завершения подготовительных работ мы в полном составе (все 24 участника сборов) вышли на тренировочное восхождение на п. Правды в соответствии с планом экспедиции. На фото представлены некоторые эпизоды этого восхождения. В те времена фотоаппараты были примитивными, и пользоваться ими было не так-то просто (необходимо было выставлять выдержку, диафрагму, кроме того количество кадров на пленке было ограниченным – не более 36, на морозе они «капризничали»), поэтому красивых репортажных снимков было маловато. В основном представлены фото, снятые во время привалов (на них можно рассмотреть многих участников экспедиции).

Маршрут на п. Правды был не очень сложным, но очень протяженным, в основном, проходившим по снежно-ледовым склонам, временами очень крутым. Настроение было бодрое – все были веселы и оптимистичны. После выхода на снежное плечо на высоте более 6000 м мы установили палатки, с тем, чтобы на следующее утро совершить восхождение и спуститься в базовый лагерь. Но в какой-то момент, я почувствовал себя не важно, если не сказать, плохо: появился озноб, невероятная слабость, поднялась высокая температура. Поначалу я это скрывал от товарищей, но, понимая, что на высоте шутки плохи, все же сообщил о своих ощущениях, да и по мне было видно, что я – никакой… На следующее утро руководитель восхождения принял решение экстренно возвращаться, чтобы я как можно быстрее вышел из этой опасной высотной зоны. Восхождение для меня и сопровождающих ребят было сорвано…

На следующий день я, как ни в чем не бывало, прошел медицинский осмотр, и врач сказала, что все у меня хорошо, и мое вчерашнее тяжелое состояние было вызвано реакцией молодого «неопытного организма» на высоту. Грубо говоря, со мной случилась банальная «горняшка». Такое бывает даже с подготовленными альпинистами в случае недоакклиматизации… Мне тогда было всего лишь 23 года, поэтому, видимо, мой организм и «взбрыкнул», никогда прежде не сталкиваясь с подобными перегрузками….

Кстати о враче: в качестве врача была молодая женщина, весьма миниатюрных размеров, по-моему, педиатр по специальности, и звали ее Галка. Отличалась она еще и тем, что очень любила в своем лексиконе употреблять ласкательные суффиксы, например, бинтик, ваточка, укольчик. Это было очень необычно в процессе общения с «суровыми» альпинистами, в основном, мужского рода. Правда, в том году в составе участников сборов были две женщины: Галя Саганенко и Люда Шацкая – самые сильные альпинистки и скалолазки, которые на голову превосходили всех альпинисток Ленинградского «Буревестника» как по физической, так и по технической подготовке. Так, например, с Галей Саганенко мало кто мог сравниться, даже среди мужчин, по числу подтягиваний на турнике: ей покорялся рубеж, по-моему, 50 раз…..
Произведя осмотр, ничего толком не обнаружив, Галка все же не рекомендовала меня к основному восхождению. А, учитывая, что тренировочного восхождения у меня не было, меня невозможно было допустить до восхождения высшей категории сложности по тогдашним правилам горовосхождений.
И оказался я между небом и землей: к основному рекордному восхождению меня не допустили, а в состав тех, кто планировался на восхождение на п. Коммунизма по маршруту 5Б к.т. я тоже не попал, т.к. должен был в качестве спасотряда обеспечивать это восхождение.

Хорошо помню разбор того злополучного для меня тренировочного восхождения на п. Правды. Федор Житенев, руководитель экспедиции и главный тренер сборной команды, по результатам восхождения на п. Правды поливал меня такими последними словами, что я не выдержал и покинул этот ненавистный шатер, где все это происходило. Причем делал это он мастерски. Федор был сухощавым, невысоким, слегка сутуловатым человеком с невероятно выразительным лицом. Он всегда носил бороду, а глаза у него были глубоко посаженными и невероятно пронзительными. Говорил он тихо, но, когда смотрел прямо на собеседника, аж мурашки по коже шли.

Выйдя наружу, мне захотелось исчезнуть, улететь, провалиться сквозь землю – настолько мне было обидно быть виноватым в ситуации, когда я, пусть и тренированный и подготовленный молодой спортсмен - просто чисто физиологически не справился с высотой из-за недостаточного «горного стажа». Вины моей никакой не было, да и проблем с высотой в дальнейшей моей продолжительной (до 1989г) карьере никогда наблюдалось. Просто я был еще слишком молод, и мой организм в тот момент был недоакклиматизирован…
И, вот, находясь в таком сумрачном настроении, если не сказать в отчаянии, я, вдруг, слышу шаги и вижу доброго и отзывчивого парня Юру Красноухова, как его звали КЮВ, – выдающегося в будущем альпиниста (который, к сожалению, погиб в горах, спустя несколько лет после этого), который подошел ко мне, дружески похлопал по плечу и немногословно заключил: «Раз ругают или бьют, значит, у тебя есть перспектива. Не отчаивайся, жди своего часа». Такое краткое напутствие было для меня очень важным и своевременным. Я пошел в свою палатку и лег спать, отгоняя от себя тяжелые мысли..
Затем основная команда ушла на это супер рекордное восхождение.
Мы оставались в базовом лагере в качестве спасотряда.

К сожалению, почти в самом начале маршрута, на первых веревках: то ли самопроизвольно, то ли из-под участников восхождения, вывалился огромный камень, в сопровождении других поменьше, и серьезно повредил именно Юру Красноухова. Он получил серьезные травмы, включая перелом бедра, и о продолжении восхождения не могло быть и речи. Мы, как члены спасательного отряда, под руководством Житенева подошли под стену и вместе с остальными участниками команды эвакуировали

пострадавшего в район базового лагеря.

Удалось оперативно вызвать вертолет Ми-8, на котором нас двумя неделями раньше доставили в первый базовый лагерь. Пилот Иванов (до сих пор помню этого героического человека) приземлился недалеко от верхнего базового лагеря на высоте около 5200 м, что по инструкции, по-моему, недопустимо. Но вертолет был облегчен: вместо металлических стенок, закрывающих заднюю часть грузового отсека, была натянута крупно-вязанная сетка. Помню, процедура взятия на борт пострадавшего вместе с сопровождающим, заняла буквально несколько минут, и вертолет, естественно, не выключая двигателя, с бешено вращающимися винтами, взмыл не вверх, как мы все подумали, а полетел вниз в пропасть. На такой высоте, в условиях разряженного воздуха, вертолет не способен взлететь в штатном режиме, т.е. вертикально. Зрелище это было незабываемое. Наконец, «упав» метров на 200-300, вертолет ощутил «опору» и полетел на «большую землю».

Спустя пару дней, альпинисты, которые планировали восхождение на п.Коммунизма по восточному ребру (или гребню) вышли на маршрут. Их было не мало – человек 12. Руководителем восхождения, по-моему, был Лева Сапожков. Погода была неплохая, и за несколько дней (дня 3 – 4), они должны были совершить восхождение и спуститься.
Мы, а это: я, Боря Барулин и здоровые члены команды в качестве спасотряда оставались в верхнем базовом лагере.

Сначала все шло по плану, ребята уверенно шли к своей цели, регулярно выходя с нами на связь и докладывая об успешном планомерном движении в сторону вершины. Но, по-моему, на 3-й день, вдруг, неожиданно погода «сломалась», и восхождение пошло не так, как планировалось. Я точно не знаю, что там конкретно происходило, но не все было штатно… В результате, все участники покорили п. Коммунизма, но некоторые, включая Сашу Глушкова, получили серьезные обморожения. Саше даже впоследствии ампутировали пальцы ног. Всю необходимую медицинскую помощь оказала наша врач, но предотвратить ампутацию ей так и не удалось… Наша Галка так старалась и так сблизилась с этим скромным героическим парнем (я имею ввиду Сашу Глушкова), что в итоге они поженились и счастливо жили вплоть до гибели Саши Глушкова – ставшего впоследствии выдающимся альпинистом, многократным чемпионом СССР в составе армейской сборной. Кстати Саша был удивительным человеком: умным, добрым, обаятельным, слегка стеснительным, но абсолютно бесстрашным. По-моему, у него отсутствовал инстинкт самосохранения. Несмотря на отсутствие фаланг пальцев на ногах, Саша был удивительно сильным первопроходцем на самых сложных восхождениях, о чем убедительно написал в своей книге «Без названия» Виктор Жак, капитан армейской команды, также многократный чемпион СССР…

Помню, когда мы встречали ребят после восхождения, мы наблюдали людей в самом разном состоянии: от бодрых и веселых Сапожкова и Кайдановского, до измученных и обессиленных Коваля и Глушкова…

Эта довольно большая группа альпинистов возвращалась разрозненно с огромными интервалами в сотни метров. Но, к счастью, все остались живы и почти здоровы.
Нам казалось, что все испытания закончены, и мы скоро спустимся вниз – в лето, в тепло или, даже, в жару, а потом уже окажемся в нашем Ленинграде.

Но не тут-то было. На этом наши испытания отнюдь не закончились…

Когда мы спустились в нижний базовый лагерь, был устроен торжественный ужин, где мы с удовольствием начали восполнять наши немалые «весовые» потери, связанные с огромными энергетическими затратами на восхождениях, да и в спартанских условиях длительного пребывания на приличной высоте (не менее 5200 м). По-моему, это происходило в начале августа, «в районе» моего дня рождения. Буквально на следующий день был заказан вертолет, и мы должны были покинуть этот горный край.

Но все пошло не так.
Именно, в тот год, под эгидой Федерации альпинизма СССР была организована экспедиция на п. Ленина с целью совершения первого в истории страны женского восхождения на семитысячник под руководством Эльвиры Шатаевой, жены бессменного председателя Федерации альпинизма СССР Владимира Шатаева. В составе этой команды была и Эля Гурмузова, известная ленинградская альпинистка из Ленинградского Университета – очень позитивная, открытая, харизматичная и веселая женщина. К сожалению, это восхождение закончилось трагедией – погибли все его участницы, попавшие в сильную непогоду (в ту самую, с которой столкнулись и наши альпинисты при восхождении на п.Коммунизма).

По причине этой ужасной трагедии все вертолеты, которые работали на Памире, были задействованы в этой спасательной операции.
Но мы, ожидая вертолета в нижнем базовом лагере, ничего этого не знали, и спокойно поедали все оставшиеся продукты – не оставлять же.

На второй день нашего ожидания руководство нам сообщило, что продуктов питания не осталось, за исключением листового чая, соли и перца. Некоторые наши активные участники, такие, как Логачев и Щедрин обратили свой взор на охотничье ружье, которое было доверено нашему легкомысленному радисту, как средству добычи мяса: медведя или зайца – как повезет. Но, оказалось, что наш «нервный» радист, живя в лагере в одиночестве и спасаясь от медведей (реальных или виртуальных – как знать), расстрелял все патроны, оставив только один, на крайний случай.

Группой охотников, в составе Логачева, Трощиненко и Щедрина, было решено залечь в засаду с целью истребления медведя (прямо, как в кино «Обыкновенное чудо»…). Лежали они в засаде не очень долго, произведя единственно возможный выстрел, как они сказали, в убегавшего медведя, но увы – промахнулись…
Другая партия почвенников (как я их теперь называю) под руководством Юры Красноухова пытались варить «калорийные» отвары из коры произрастающих рядом с лагерем берез и прочих деревьев. Отвары они торжественно предлагали голодной публике, но высокой оценки едоков это не вызвало.
Я в команде из 3-человек - в составе: Барулина (инициатор), Ивановского и меня, пытались отловить сурка или суслика методом затопления предполагаемой норы водой, приносимой из реки. Боря Барулин, который провел свое детство в степях Оренбуржья, утверждал, что обнаружил нору какого-то грызуна типа сурка, и, если мы с Виталиком Ивановским принесем ведер сто и вольем их в эту предполагаемую нору, то он, Боря, с успехом выловит зверька с другой стороны норы. Мы не смогли возразить знатоку степных просторов, и, как идиоты, несколько часов таскали эти ведра воды. Боря, в ожидании суслика с другой стороны норы, нам указывал куда и как лить воду. На сто-каком-то ведре, мы с Виталиком взбеленились, поняв всю тщетность этой затеи…
Шутки шутками, но так мы там пробыли почти неделю – на воде и соли…
Наконец, приземлился вертолет, забрал половину людей и грузов.

Я попал только во второй рейс, возможно на следующий день. Вертолет тоже был в облегченном виде – с сеткой вместо стенок грузового отсека.
Приземлились мы в пос. Джиргиталь, откуда уже добирались до Душанбе.
В Душанбе мне удалось взвеситься, и я обнаружил, что мой вес находится на рекордно низкой отметке – в районе 60 кг.

Я понял, что я уже почти готов к Коммунизму в прямом и переносном смысле, но – не срослось, видимо, не судьба.

В Армию я тогда тоже не попал: в момент, когда меня должны были призвать в августе 1974 г., сменился Министр обороны и учредил новое воинское звание – прапорщик, силами которых должны были заменить всех офицеров – двухгодичников.

Странный был для меня альпинистский сезон 1974 года: многообещающий, длинный, трудный, опасный, нервозный, но не оставил в моей альпинисткой книжке никаких записей – даже тренировочного восхождения, прямо, как коммунистический мираж.

P.S. Друзья, писать о событиях, которые происходили десятки лет тому назад, не так просто. Память оставляет в моей голове не набор строго следующих в хронологическом порядке событий и явлений, а, скорее, сглаженную или смещенную картину того, что когда-то было. Но в этом и прелесть таких текстов – они, почти, как художественные произведения по мотивам давно прожитого и пережитого. Я бы это все назвал даже не воспоминаниями о каких-то событиях и достижениях, а, скорее, памятью эмоций, которые вызывались теми давними событиями. Поэтому, не обессудьте, если обнаружите некоторые неточности. Однако, надеюсь, написанное вызовет приятные и теплые воспоминания о той странной, но счастливой жизни, которая не дает нам покоя до сих пор!

Михаил Хитров 2020г.